

К ИЗУЧЕНИЮ ВОССТАНИЙ РАБОВ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Проф. А. В. Мишулин

Нельзя изучать и понять историю восстаний рабов и различные социальные движения в древней Греции без ясного представления о природе античного государства, без уяснения его основных функций. «Две основные функции—говорит товарищ Сталин—характеризуют деятельность государства; внутренняя (главная)—держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная)—расширять территорию своего господствующего класса за счет территории других государств или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Так было дело при рабовладельческом строе и феодализме. Так обстоит дело при капитализме» (Отчетный доклад товарища Сталина на XVIII партсъезде).

Таким образом в своей главной функции государство в каждом классовом обществе направлено на подчинение угнетенных и эксплуатируемых масс. Изучая историю восстаний рабов в древней Греции, необходимо иметь всё время в виду эту главную функцию рабовладельческого государства. В частности, Энгельс обращал внимание главным образом именно на эту сторону деятельности рабовладельческих государств Греции и Рима, когда писал свою посвященную древности работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Античное государство,—говорил Энгельс,—было преимущественно государством рабовладельцев для подавления и обуздания рабов (Э н г е л ь с—Происхождение семьи, стр. 165). В определении античного государства Энгельс подчеркивает не только его классовую сущность, но вместе с тем ставит вопрос и об основном классовом антагонизме. Так, например, в Греции классического периода рост рабства в VI—V вв. до н. э., расширение сферы рабовладельческого производства, наметившиеся еще до этого периода, как в государствах Пелопоннеса, так, в особенности, в Афинах, сменили старую противоположность между благородными и демосом новым антагонизмом—между свободными и рабами.

«Классовый антагонизм, на котором покоились теперь общественные и политические учреждения, был уже не антагонизм между аристократией и простым народом, а между рабами и свободными, между неполноправными жителями и гражданами» (там же стр. 114). Борьба между этими классами наполняет содержание социальной истории государств древней Греции. При изучении борьбы рабов, их восстаний, движений бедноты и демократических переворотов в древней Греции нужно, однако, помнить, что на фоне основного социального антагонизма—борьбы рабов и рабовладельцев—всегда можно уловить и столкновения бедноты, демократических

прослойка общества, неполноправных с эксплуататорами-рабовладельцами и землевладельцами, плутократами и ростовщиками. «Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые, полноправные и бесправные, жестокая классовая борьба между ними—такова картина рабовладельческого общества» (История ВКП(б). Краткий курс, стр. 120).

Изучение восстаний рабов в древности не заняло надлежащего места в буржуазной историографии. Как известно, даже вопрос о рабстве, как основе античной социально-политической жизни, ставился в буржуазной историографии по разному. По вопросу о рабстве до сих пор господствовали две школы: К. Бюхера и Э. Мейера.

К. Бюхер, немецкий ученый конца XIX и начала XX в., в своих работах, большинство которых переведено на русский язык, утверждал, что «народы классической древности, на основании преобладающих у них хозяйственных форм, относятся к ступени домашнего (ойкосного) хозяйства». Бюхер при этом особенно подчеркивал, что «полным развитием этой формы (т. е. ойкосного хозяйства.—А. М.) они были обязаны рабству» (К. Бюхер—Очерки экономической истории Греции, Л., 1924, стр. 18).

Автор во всех своих трудах старался развить это положение, всюду показывая, что базой античной экономики было рабство. Именно такая точка зрения заставляла поставить вопрос и о рабах, их социальном положении и их классовой борьбе в античности. Не случайно, что К. Бюхер написал специальную монографию о восстаниях рабов (см. его «Восстания рабов 143—129 гг. до н. э.», Л., 1924).

От изучения рабовладельческого хозяйства в древности К. Бюхер неизбежно должен был притти и к изучению социальной борьбы рабов против своих угнетателей.

Недостатком экономической теории Бюхера было то, что она приносила хозяйство древней Греции (как и Рима) до уровня «домашней (ойкосной) формы».

В противовес этой наиболее распространенной концепции о значении рабства в античности выступил Э. Мейер, развивший в конце XIX и начале XX в. иную теорию по данному вопросу.

Э. Мейер отрицает рабство, как базу античной экономики. Во всяком случае, он извращает его значение. Рабство в античности, по мнению Мейера, мало чем отличалось от наемного труда. «Рабу,—говорит этот ученый,—при ловкости и удаче открыт путь к свободе и богатству, его детям (а часто и ему самому)—к высокому положению в государстве и обществе» (Э. Мейер—Экономическое развитие древнего мира, Л., 1922, стр. 108). Нельзя иначе назвать эти слова, как цинизмом, поскольку они исходят из уст ученого, прекрасно знавшего действительно трагическое положение рабов в древности. Только исходя из своих установок в оценке роли рабства в древности, Мейер мог выставить другое псевдонаучное положение о том, что «рабского вопроса» никогда не существовало, что «никогда не происходило значительных восстаний рабов» (там же, стр. 106).

Модернизация развития древних Греции и Рима, привнесение в них закономерностей капиталистических отношений, приводила Э. Мейера не только к стиранию грани между формами рабского и наемного труда, но и к систематическому затушевыванию восстаний рабов, их истории в древней Греции.

Одну из первых попыток систематизации материала по восстаниям рабов в древней Греции сделал А. Валлон, который еще в середине XIX в. написал «Историю рабства в античности», где он не только дает историю рабовладельческой системы, но и анализ положения рабов, историю их восстаний, как в Греции, так и в Риме.

Валлон шел далее. В порабощенном труде древности он старался установить причины падения античного общества. «Рабство,—писал Валлон,—это мнимое средство античной цивилизации—было для греческого общества при всяких формах республик действительной причиной деморализации и смерти» (т. I, стр. 54, русск. пер.).

Дальнейшее изучение этого вопроса не получило, однако, развития. В особенности по восстаниям рабов в древней Греции не выходило не только отдельных работ, но и сколько-нибудь серьезных статей, если не считать вышеназванной работы К. Бюхера, посвященной, скорее, восстаниям в римский период, чем в самой Греции в пору ее расцвета.

Указания классиков марксизма-ленинизма о значении рабства в античной экономике, о характере социальных антагонизмов в условиях этой формы порабощенного труда ставят проблему изучения борьбы рабов за свое освобождение против строя рабовладельческой эксплуатации.

В советской исторической науке имеются достижения в изучении восстаний рабов в древнем Риме и почти остается неосвященным вопрос о классовой борьбе рабов и бедноты в древней Греции. Однако вопрос этот столь актуален и интересен, что едва ли является оправданием настоящего состояния этого вопроса то, что непосредственных данных в источниках по этой проблеме мы находим действительно недостаточно.

Данные Геродота, Фукидида, Платона и других авторов древней Греции вводят нас в ту атмосферу социальной борьбы, которая неизбежно приводила порой к открытым восстаниям рабов, широкому движению бедноты, к таким эпизодам борьбы, которые заканчивались иногда взаимным истреблением сторон—рабов и рабовладельцев, или демоса и аристократии.

Вот как представляется в описании древнегреческого философа накаленная почва для социальной борьбы в древней Греции. «Сидят они (бедняки—А. М.) в городе, вооруженные жалами,—одни как обремененные долгами, другие как лишенные чести, а иные, угнетенные обоими видами зла и питая ненависть и замыслы против людей, завладевших имением их,—задумывают восстание» («Государство», VIII, 555 d). Такие восстания в конце V и начале IV в. представлялись Платону, очевидно, настолько частыми, что он в нескольких местах утверждает тезис о греческом городе, как о государстве, разделенном на два противоположных лагеря. «Во всяком городе, сколь бы он мал ни был, всегда есть два враждебных города: один—город бедняков, другой—город богатых», ибо, по мысли Платона, в любом государстве, где только существуют богатство и бедность, имеется два взаимно противоположных лагеря: один—бедняков, другой—богачей. (П л а т о н—Государство, IV, 423; см. также VIII, 551d; III, 417).

Рассуждения Платона, философия которого является типично рабовладельческой, весьма любопытны. Они передают устами подлинного идеолога рабовладельческой Греции то действительное положение, социальная характеристика которого едва ли кем-либо из других современников могла быть дана столь ясно и отчетливо. Платон отлично сознавал, откуда надо искать помощи для безопасности устоев рабовладельческого строя.

Рабовладелец как частное лицо, имеющее большое количество рабов, может чувствовать себя в безопасности исключительно потому, говорит Платон, что ему как частному лицу оказывает защиту государство; не будь этой защиты, он должен был бы жить в вечном страхе перед рабами. Если бы не существовало этого рабовладельческого государства, «в каком сильном и великом страхе был бы он (рабовладелец—А.М.) за себя, за детей и за жену, как бы рабы не убили» их («Государство», IX, 578). Эти глубокомысленные рассуждения Платона о сущности государства, повидимому, плохо скрывали раздражение и тревогу философа перед лицом

восстаний рабов, с которыми не всегда успешно могли управляться греческие государства, несмотря на их специфическую, столь откровенно раскрытую Платоном социальную функцию защиты рабовладельцев.

Напряжение социальной борьбы между угнетенными и угнетателями было столь велико в древней Греции, что некоторые памятники передают нам картины исключительной, иногда доходившей до звериной, ненависти друг к другу со стороны борющихся классов. Так, например, Аристотель передает нам любопытную, с этой точки зрения, клятву аристократа: «Клянусь, что я буду вечным врагом народа и сделаю ему столько зла, сколько буду в состоянии» («Политика», V, 7, 19). Характерна в этом отношении также и надпись на одном памятнике, поставленном в честь аристократов (Крития и его друзей): «Это надгробный памятник смелым людям, которые короткое время дерзко противились проклятому афинскому демосу». В своей классовой ненависти аристократы-рабовладельцы не останавливались ни перед чем. Так, мы знаем, что в отместку за восстание народа в Милете аристократы забрали детей демократов, вымазали их смолой и сожгли их. В 640 г., по сообщению Аристотеля, демократы в Мегаре подняли восстание, напали на стада богачей и перерезали весь скот («Политика», V, 4, 5).

Первоначальные формы борьбы рабов были латентные. Они выражались, главным образом, в порче инвентаря рабовладельца или в похищениях имущества его и, наконец, в бегстве в одиночку или массами от своих хозяев, что являлось наиболее распространенной формой скрытой борьбы с угнетателями. Данная форма борьбы рабов применялась столь широко, что специальное изучение вопроса о побегах рабов, особенно по данным надписей, заслуживало бы целого интересного исследования. Остановимся на главных фактах из истории побегов рабов, как формы борьбы последних за свое освобождение.

Побеги рабов происходили как в военное время, так и в мирное. Но особенно часты были побеги во время войны, поскольку последняя ослабляла государство, вносила перебои в жизнь страны и тем самым создавала предпосылки для побегов угнетенных. Известно, что в начальный период пелопоннесской войны спартанские илоты убегали массами и готовы были поддержать афинян в борьбе со Спартой (см. Фукидид IV, 41, 1—4; IV, 56, 2). Еще раньше, в 464 г., мессенцы убегали от своих господ, объединились и подняли восстание, которое длилось более десяти лет (Фукидид I, 101, 1—5; 54, 5). В 413 г. во время поражения афинской армии при Декелее «более 20 тысяч рабов перебежало к неприятелю (спартанцам), в том числе и многие ремесленники» (Фукидид VII, 27; Ксенофон — О доходах, IV, 26). Это был столь тяжелый удар для Афин, их хозяйства, что вызвало не только хозяйственный, но и политический кризис, выразившийся в известном олигархическом перевороте 411 г. Не приходится говорить о том, что изучение происхождения этого переворота в социальных условиях Афин 411 г. ведет нас неизбежно к факту побега 20 тысяч рабов из Аттики и к социальным последствиям этого исключительного для жизни Афин факта.

На побеги рабов жаловался и Никий во время своей сицилийской экспедиции 414 г. Фукидид сообщает, что с кораблей афинского флота, действовавшего у Сиракуз, совершили побег все гребцы-рабы. Таким образом флот был лишен возможности военных операций, что и предредило печальный исход для Афин этой экспедиции в Сицилию (Фукидид VII, 13, 2). Об аналогичном побеге рабов, но уже на сторону афинян говорит Фукидид, описывая взятие Хиоса афинянами в 412 г. В борьбе против своих угнетателей хиосские рабы решили присоединиться к наступающим афинянам, в которых они видели избавителей (Фукидид VIII, 40, 2).

Такие побеги рабов из одного лагеря в другой, из государства в другое государство не раз создавали поводы для дипломатических переговоров, для заключения особых на этот счет соглашений или даже для разрыва отношений между государствами древней Греции. Этот вопрос о взаимоотношениях государств древней Греции, в связи с внутренней социальной борьбой и побегами рабов из одного государства в другое, представляет особый интерес и заслуживает специального исследования. Остановимся на главных фактах из этой области отношений.

Известно, что во время восстания илотов в 464 г. в Спарте последняя вынуждена была обратиться за помощью к Афинам, и отряд Кимона был направлен на помощь Спарте. Отношения между этими государствами стали натянутыми, когда оказалось, что отряд Кимона симпатизирует восставшим или, во всяком случае, не мог справиться с возложенной на него задачей, почему и выслан был из Спарты. Нам известно также, что одним из поводов к возникновению пелопоннесской войны явился конфликт из-за того, что мегаряне дали приют у себя беглым афинским рабам (Ф у к и д и д I, 139, 2). Это обстоятельство во всё время Пелопоннесской войны не исчезало, видимо, из памяти воевавших сторон, и именно поэтому, может быть, во время перемирия в 423 г. в договор был включен пункт, согласно которому ни та, ни другая из сторон не должна была принимать беглых рабов (Ф у к и д и д IV, 118, 7). Более того, в знаменитом договоре 421 г. между Афинами и Спартой было вставлено даже обязательство, по крайней мере, со стороны Афин, всякий раз помогать Спарте, если там произойдет восстание рабов (Ф у к и д и д V, 23, 3). Рабовладельческие государства всё время держали между собою контакт, когда дело касалось восстаний рабов, а за оказанную помощь одному государству со стороны другого последнее всегда вознаграждалось. Достаточно хотя бы вспомнить, как лакедомоняне благодарят Эгину за оказанную Спарте помощь при подавлении восстания илотов (Ф у к и д и д II, 27, 2; IV, 56, 2). Следует вспомнить также и Коринфский конгресс греческих государств, созванный в конце 338 г., после поражения Греции при Херонее. В числе пунктов декларации, принятой на этом конгрессе, был один, согласно которому все договаривавшиеся стороны обязаны были прекратить освобождение рабов, чтобы не произошло впредь каких-либо революций. Этот договор представляет для нас особый интерес, поскольку он уже под гегемонией Македонии организовывал коалицию рабовладельческих государств против Персии на основе прочной защиты всех устоев рабовладельческого строя каждого договаривавшегося государства.

Оставляя в стороне ряд других интересных моментов из истории бегства рабов, из истории этой своеобразной, пассивной борьбы с порабителителями, следует, однако, сказать несколько слов о мерах борьбы рабовладельцев с этим явлением социальной жизни. Кроме тех мер, о которых говорилось выше, т. е. мер дипломатического порядка, ограждавших подобные случаи бегства, и реальной помощи в борьбе с беглыми или восставшими со стороны другого государства, применялись и другие средства. Внутри государства, где особо часто наблюдались случаи бегства, на надлежащей высоте поставлена была организация розыска беглых рабов. В античных источниках мы имеем много любопытных данных об организации розыска рабов в древних государствах Греции. Помимо местной администрации города, которая привлекалась к розыскам, имелись также и частные конторы сыщиков, принимавшие «заказы» на поимку беглых рабов. Ксенофонт приводит следующий интересный пример разговора о мероприятиях по розыску рабов: «...скажи, Диодор, если у тебя убежит кто-нибудь из рабов, ты примешь меры к тому, чтобы их вернуть?—И других прошу, клянусь Зевсом, объявляя о том, что выдам награду» («Воспоминания о Сокра-

те», II, 10, 1—2). В эллинистическую эпоху выплата вознаграждения за пойманного раба достигала трех медных талантов.

Если рабовладелец имел хорошую организацию сыского дела на случай охоты за беглыми, то убежавшие рабы почти не имели возможности где-либо скрыться. Всюду им угрожала выдача их прежним хозяевам. Единственным временным убежищем для рабов в древней Греции были храмы. Право убежища для раба у греков формулировалось в следующем популярном тезисе: «Зверь имеет свое убежище в скале, раб—на алтаре богов» (Э в р и п и д—Просительницы, 267). Но только некоторые храмы имели такое право дать пристанище для раба. Таковы храм Тезея в Афинах, храм Аполлона в Дельфах, храм в Гортине на Крите и некоторые другие. Раба нельзя было насильно взять из храмового убежища, но зато голод или власть жреца в храме произносили над беглым свой приговор. Покинувший из-за голода свое временное убежище раб вылавливался розыском, наказывался и вновь возвращался к своему господину. Наконец, жрец храма вообще имел право распорядиться судьбою беглого, мог передать его господину, приказать перепродать его другому или просто выгнать из храма и тем самым поставить беглого под прямую угрозу привода его опять к господину. Только в Гортинском судебнике имелись установления, регулировавшие если не права рабов, находившихся в храмовых убежищах, то, во всяком случае, произвол жрецов по отношению к беглым в храмах. Изучение конкретных форм, так называемой, асиллии, т. е. права предоставления убежища отдельными храмами в различных государствах Греции, представляет также интересную и самостоятельную проблему для исследования, в особенности по данным эпиграфического материала.

Хотя латентные формы борьбы рабов характеризуются только пассивными методами выступлений против угнетателей и, главным образом, выражаются в виде бегства, однако они имели большое значение в развитии классовой борьбы древней Греции. Они подрывали хозяйство рабовладельцев, вносили дезорганизацию в политическую жизнь рабовладельческой общины, а в момент войны эти бегства, притом массовые, угрожали всему существованию рабовладельческого государства. И особенно это хорошо известно из истории Спарты. Под этим углом зрения большой и интересной задачей является изучение всех мессенских войн, сопровождавшихся, как известно, борьбой мессенцев за свою независимость и свободу от ига порабощения, против той формы рабства, которая насаждалась Спартой под названием илотии. Следует заметить, что убежавшие во время войн рабы иногда образовывали города или даже целые колонии. Так, например, город Тарент, по преданию, был образован бежавшими из Спарты илотами, город Эфес—рабами, бежавшими, по преданию, с острова Самоса.

Переход от латентных форм борьбы рабов с угнетателями к открытым характеризуется уже прямыми восстаниями рабов, что, несомненно, явилось более действенной формой борьбы с угнетателями. Восстания начались там, где скопления рабов были более значительны, где хозяйственная жизнь города или государства покоилась в значительной степени на труде рабов. К таким городам и государствам относятся Аргос, Мегара, Тиринф, Спарта, остров Хиос, города Сицилии и др.

Одним из самых ранних выступлений рабов в Греции явилось засвидетельствованное Геродотом восстание 494 г. в Аргосе. В этот год аргосские войска потерпели поражение от Спарты. Этим-то и воспользовались рабы, которые захватили обезлюдевший город и организовали там свое управление. «Аргос обезлюдел,—говорит Геродот,—до такой степени, что все дела поступили в ведение рабов, всем управлявших и распоряжавшихся, пока не возмужали сыновья погибших. Они тогда изгнали рабов

и снова приняли Аргос в свои руки. После изгнания рабы с боя взяли Тиринф. Первое время между господами и рабами была дружба; но потом к рабам пришел некий прорицатель Клеандр, родом из Фигалии в Аркадии; он уговорил рабов напасть на своих господ. Отсюда возникла между ними весьма продолжительная война, из которой лишь с трудом вышли победителями аргивяне» (Геродот VI, 83).

Аргос представлял собою один из ранних и развитых рабовладельческих полисов Греции. Насколько и в дальнейшей истории этого полиса социальная борьба не переставала оставаться напряженной, показывает, так называемый, «скитализмос», имевший место в 371 г. до н. э.

Под «скитализмос» обычно разумеется восстание низов аргосского населения против знати, олигархической партии и ее демагогов.

Это было в период возвышения Фив, успешной кампании Эпаминонда против Спарты и распада Пелопоннесского союза. Благодаря успехам Эпаминонда, который своими победами наносил жестокие поражения аристократической партии и проискал олигархов в ряде греческих городов, демократы ожили, поднялись против олигархов во многих городах Пелопоннесского союза, изгоняли сторонников Спарты и устанавливали демократическое правление. Восстание демократов произошло в Коринфе. Попытка восстания имела место также и в соседнем Флиунте. Но самым сильным по размаху и интенсивности социальной борьбы был происшедший в Аргосе «скитализмос».

В Аргосе было демократическое правление.

Народ заподозрил в подготовке государственного переворота олигархическую партию аргосской знати. Начались жестокие преследования олигархов и связанных с ними элементов. В результате в течение небольшого промежутка времени под палочными ударами пало 1200 человек. Вся Греция, по сообщению Диодора, наблюдала за этими кровавыми событиями классовой борьбы (D i o d.—Bibl. Hist, XV, 58).

Любопытна одна деталь, о которой сообщает Диодор. Репрессиям со стороны аргосского правительства подвергались по распространившейся системе доносов не только все неблагонадежные, но даже и невиновые ни в чем элементы. Казни проводились без суда и следствия, причем это приняло настолько массовый характер, что демократическое правительство Аргоса испугалось размаха событий. Убедившись в некоторых несправедливых доносах, оно теперь намеревалось удержать народ от репрессий. Но народ уже не хотел об этом слушать. Он заподозрил теперь и само правительство, поднявшее народ против олигархов, и всё его умертвил.

Заканчивая этот эпизод, Диодор со злорадством говорит, что наступил момент отмщения демократам за их козни.

Историю восстаний в Аргосе, как и этот эпизод в социальной борьбе, необходимо подвергнуть дальнейшему исследованию, причем дошедшие до нас исторические сведения о социальных столкновениях должны быть подвергнуты предварительной исторической критике в виду их крайней тенденциозности.

О другом раннем восстании (около 488—486 гг. до н. э.) мы имеем сообщение у Полиена. Последний, рассказывая о борьбе города Селинунта (в Сицилии) против Карфагена, останавливается на любопытном эпизоде. После войны много павших селинунтцев остались перед городом совершенно непогребенными. Тогда один из младших командиров, по имени Фирон, предложил дать ему 300 рабов-дровосеков, с которыми он мог бы соорудить костер и сжечь трупы павших бойцов. Селинунтцы согласились на это. Фирон набрал нужных ему рабов, вышел из города и потом стал уговаривать их поздно вечером напасть на город и взять его. «Фирон,—

говорит Полиен, — взяв с собою молодых и сильных рабов, снабдил их необходимым оружием и потом, заняв город, сделался тираном селинунтским» («Стратегемы», I, 28). У нас нет, к сожалению, об этом факте более подробных и более авторитетных сведений, чем данные Полиена. Но и они очень интересны, поскольку передают нам один из эпизодов восстаний рабов в Сицилии. Известно, что и в городах «Великой Греции», как, например, Селинунте, рабовладельческий строй рано сконструировался, и социальная борьба там достигала большого напряжения. Говоря о Сицилии, о фактах классовой борьбы в городах Сицилии, нельзя не упомянуть известного выступления рабов в Сиракузах под руководством некоего Сосистрата. Об этом выступлении 414 г., как и о напряженной социальной обстановке еще задолго до восстания, сообщают нам одновременно и Полиен и Фукидид (Фукидид IV, 58—65; Полиен I, 43). Восстание рабов во главе с Сосистратом было весьма значительное, и Гермократ, один из сиракузских полководцев, был беспомощен что-либо предпринять для подавления мятежа. Тогда Гермократ пускается на хитрость, подсылает к вождю рабов Сосистрату диверсанта, который и разлагает лагерь рабов. В результате около 20 организаторов восстания были преданы, другие были схвачены, и только 300 рабов убежали к афинянам, осаждавшим в это время Сиракузы. Это восстание 414 г. интересно для нас тем, что оно проходило во время пелопоннесской войны, когда рабы легче всего могли выбрать момент для массового выступления против своих угнетателей. Интересен здесь и факт побега восставших к врагам, как форма борьбы.

В самой Греции выступления рабов чаще всего повторялись в Спарте. Это, очевидно, в значительной степени объясняется тем фактом, что там находилась в порабощении громадная масса покоренного населения илотов, всегда готовых к восстанию, на борьбу за возвращение своей независимости, какая у них была до покорения Мессенией Спартой. «Илоты, — говорит Аристотель, — устраивают мятежи против спартиатов; они постоянно на страже и подстерегают какую-нибудь неудачу спартиатов, чтобы напасть на них» («Политика», II, 6). О напряженной социальной борьбе между спартиатами и илотами передают много интересных сведений Фукидид, Аристотель, Ксенофонт, Плутарх и др. У Фукидида мы встречаем такую характеристику положения спартиатов: «они испытывали страх перед буйством и многочисленностью илотов» и всё время только и готовились, чтобы в любой момент выступить для подавления часто возникавших вспышек восстания илотов (IV, 80, 3). Изучение спартанской илотии и истории борьбы против нее со стороны порабощенных народов древней Спарты заслуживает отдельного исследования.

Мы укажем только на два известных своей продолжительностью и размахом восстания в Спарте. Первое относится к 464 г. и называется, обычно, третьей мессенской войной. В том году имело место сильное землетрясение, замешательством во время которого и воспользовались илоты, все порабощенные мессенцы, поднявшиеся теперь за освобождение своей страны. Размах восстания сразу же принял столь значительные размеры, что рабы уже после первых удачных рейдов против спартанцев направились было на самый город Спарту. Царь Архидам призвал все уцелевшие от землетрясения силы спартиатов и только после двух кровопролитных битв (Геродот IX, 35; 65) рабы отступили и направились к Итоме, горе, представлявшей собою естественное укрепление. Даже запертые в ущельях этой горы, илоты не сдавались, продолжали борьбу долгое время. В сколь затруднительном положении оказались спартанцы, указывает и тот факт, что последние вынуждены были обратиться за помощью, кроме других союзников, как эгинеты (Фукидид II, 27; IV, 56), платейцы (Фукидид IV, 54), мантинейцы (Ксенофонт —

«Греч. ист.», V, 2, 3) также и к афинянам, посылка которыми отряда Кимона имела столь скандальные для Афин последствия (Фукидид I, 102; Плутарх—Кимон, 16).

Это восстание длилось около десяти лет. После долгих усилий гора Итома была взята, илоты были подавлены. Много мессенцев бежало, и покинувшие свою родину основали поселения в предоставленном им афинянами завоеванном городе Навпакте.

Чтобы закончить характеристику выступлений рабов в Спарте, остановимся еще на восстании илотов в 425 г. во время Пелопоннесской войны. В это время экспедиция афинского флота во главе с Демосфеном подступала к гавани Пилосу, на западном берегу Пелопоннеса. Узнав об этом, илоты решили отложиться от Спарты, поднялись и даже предложили свои услуги афинянам. Они стали опустошать прибрежные области, устроили спартанцев, вновь укрепились на горе Итоме и готовы были блокироваться с афинянами в борьбе против Спарты (см. Фукидид IV, 56, 2; IV, 41, 1—4). Может быть, именно этот факт выступления илотов и был решающим фактором афинской победы.

Следует до сих пор считать недостаточной разработку истории заговора Кинадона в Спарте, поскольку он представляет собою любопытный пример не чисто рабского восстания, а попытку объединения в совместном выступлении илотов, перизков и всякой другой бедноты Спарты против засилия спартиатов (Ксенофонт—Греческая история, III, 3, 4—11; Полиен II, 14; Аристотель—Политика, V, 6).

Другим районом Греции, где наблюдалось большое количество рабов, был остров Хиос. По сообщению Геродота, Хиос взял даже монополию доставки на восток, в Эфес и Сарды, для вывоза в гаремы Персии красивых юношей. Последних выбирали обычно из рабов и превращали в евнухов. Не удивительно, что, в результате скопления на острове значительных масс рабов, восстания последних были обычным явлением. Но наиболее значительным из них явилось знаменитое восстание Дримакса, засвидетельствованное Нимфодором (Афиней VI, 367—372).

Доведенные до отчаяния рабы на Хиосе, как это передается в дошедшем до нас рассказе, бежали в горы, укрылись там и оттуда совершали набеги на своих господ, подвергая их разорению и грабежу. Предводитель восстания принудил господ к отдаче всего имущества. После нескольких битв с рабовладельцами Дримакс согласился на перемирие и заключение договора. По этому договору вождь рабов обеспечивал последним защиту от посягательств господ. Такое продолжительное и унижительное положение стало для хиосских собственников невоготу. Рабовладельцы обещали большую сумму тому, кто доставит Дримакса живым или мертвым. Далее, из рассказа видно, что Дримакс драматически погиб. Но после этого, говорится в легенде, рабовладельцам стало не лучше. Новые выступления рабов стали настолько значительны, что господам пришлось даже вспомнить, что при Дримаксе для господ во много раз было лучше. И Дримаксу, как заканчивается рассказ, был даже поставлен памятник, как «благодетельному герою», разрешавшему все споры между господами и рабами в порядке договора, где фиксировались условия и тех и других. Не приходится говорить о том, что этот рассказ содержит в себе много легендарного и носит следы позднейшей переработки в угоду рабовладельческой идеологии.

В заключение остается сказать, что восстания рабов проходили иногда совместно с движениями бедноты. История Греции дает нам немало примеров совместной борьбы угнетенных. Известно, что борющиеся в V в. политические партии города Платеи втягивали в борьбу и рабов. Из сообщения Диодора сицилийского мы знаем, что рабы этого города выступали на стороне демократов и вместе с ними бежали в Афины от преследо-

ваний спартанцев (Д и о д о р XIII, 41). Подобное же явление мы наблюдаем и на острове Коркире во время событий 427 г. до н. э. Когда там в это время разыгралась гражданская война, то обе стороны, и аристократы и демократы, «посылали на окрестные поля вестников, призывая на свою сторону рабов обещаниями свободы; большинство рабов примкнуло к народу», к демократической партии (Ф у к и д и д III, 73).

Из истории Греции можно видеть, что борьба с рабами отнимала много сил у рабовладельцев и держала их в постоянном напряжении. Принимались самые различные меры для предупреждения восстаний. Платон советует в «Законах» не иметь рабов одной и той же национальности, по возможности иметь рабов, говорящих на разных языках, поскольку желательно, чтобы они лучше переносили рабство, не могли сговориться между собою и подняться на восстание («Законы», VI, 777 с). Но никакие преграды не могли задержать развития классовой борьбы, постоянных выступлений рабов, полных ненависти к угнетателям и готовых, как это сообщает Ксенофонт в отношении илотов, «с радостью пожрать спартиатов даже живыми», если бы только представился для этого случай («Греч. ист.», III, 3, 6).

Эту ненависть не скрывали и угнетатели, которые устами Платона говорили, что рабы—это такая собственность, обладание которой влечет много неприятностей. «Ведь рабы никогда не будут друзьями своих владык» («Законы», VI, 757 а). И поэтому рабовладельческое государство разрабатывало целую систему мероприятий против восстаний угнетенных.

Борьба богатых и бедных, рабовладельцев и рабов, свободных и неполноправных—составляла основное противоречие греческого общества, и изучение его является одной из очередных задач в работе советского историка древности.

С возникновением рабовладельческого общества и классового государства внимание политиков и философов систематически обращалось на изучение факта социальных столкновений различных классов. Аристотель в своем трактате «Политика» посвятил истории различных восстаний и социальных движений целую книгу (пятую). По мере развития рабовладельческих обществ Греции не только свыкались с этим фактом социальной борьбы, но в оправдание его строились различные политические теории (Платон, Аристотель и др.), причем, как это видно из приведенных выше взглядов Платона, самый факт восстаний и борьбы считался чем-то вполне естественным и даже закономерным явлением.

Все восстания рабов в Греции как правило терпели поражения. Объяснение этому факту надо искать в закономерностях развития рабовладельческого общества. Рабы и беднота восставали, но не представляли себе иного строя, кроме существующего. В социальной борьбе они не сознавали ясно, какие новые порядки нужно создавать.

Таким образом, угнетенный класс на данной ступени развития не обладал еще самосознанием и потому не мог создать какую-либо политическую организацию.

Отсутствие ясной цели в социальной борьбе и определенного плана общественного переустройства было одной из главных причин поражения рабов в их восстаниях во всех полисах древней Греции.

